

От любопытства кошка сохла!

П. Трэверс, «Мэри Поппинс»

— Простите, пожалуйста, — раздалось прямо у нее над головой, — вы не видели где-нибудь здесь... кошку?

Марина открыла глаза.

Прямо перед ней был желтый песок, а за песком серый пруд, блестящий сальным блеском. Щурясь, она некоторое время изучала колышущийся блеск, а потом снова смежила веки.

Господи, приснится же такая ерунда!..

— ...не видели? Кошку? — повторил голос с надеждой.

Она подскочила на нагретой лавочке так, что нелепая шляпа из итальянской соломки съехала ей на нос.

— Что?! Какая кошка?! Где кошка?!

— Не знаю, — признался бестелесный голос, — какая-нибудь кошка. Любая. Не видели?

Марина стремительно задрала глупую шляпу, села прямо и посмотрела сначала налево, а потом направо.

Слева были заросли каких-то ломких и длинных стеблей, уходивших в темную воду. В глубине стеблей на берегу голубела еще одна лавочка — пустая.

Справа рос камыш, за ним находился газон, потом асфальт, а дальше сетка теннисного корта — довольно далеко.

Не иначе, как она перегрелась. Вот оно, коварное солнце средней полосы.

— Я ее угостить хотел, — вновь донесся голос. Теперь он звучал виновато. — А найти не могу... Вы не видели?

Господи боже мой!

Оказалось, что он стоит прямо перед ней. Марина уставилась на нелепейшую, чудовищную пестроцветную гавайскую рубаху. Кажется, под ней скрывалось сытенное круглое брюшко.

— Я вас разбудил, — внезапно догадался обладатель брюшка и сказочной рубахи, — простите. Я думал, может, вы видели где-нибудь кошку.

— Какую еще кошку? — раздраженно пробормотала Марина. Ни рубаха с цветами, ни тем более круглое брюшко не вызывали у нее никаких положительных эмоций.

— Обыкновенную. В домах отдыха, знаете ли, всегда живут кошки. Их тут подкармливают, и они живут.

— Ну и что?

— Ничего, — смешавшись, сказал «гаваец», — я хотел ее угостить. Я вот... рыбки наловил.

И в доказательство, что действительно наловил, потряс у нее перед носом пластмассовым детским ведерком, в котором плюхала вода и что-то шевелилось.

Марине немедленно показалось, что в воздухе невыносимо завоняло рыбой.

— Послушайте, — начала она, отпихивая рукой ведерко, — никаких кошек я не видела. По-моему, ловить этих несчастных мальков — дикость и варварство.

— Разве? — усомнился он. — А по-моему, ничего. Я же не глушу их динамитом.

На это поразительное замечание Марина ничего не ответила, отвернулась и зашарила в сумке, давая понять собеседнику, что аудиенция окончена.

Однако настырный «гаваец» все не отставал.

— А в корпусе, — с надеждой спросил он, — не видели?

— Что?

— Кошку.

Сигареты нашлись, а зажигалка никак не попадалась. В руку лезли темные очки, кошелек, холодный тюбик с кремом, пачка салфеток, а зажигалка как сквозь землю провалилась! Марина достала очки, быстро нацепила их на нос — как будто загородилась и от брюшка, и от рубахи.

— Что вы ищете? — заинтересованно спросил брюхастый.

Марина покосилась на ведро с рыбой:

— Зажигалку.

— Позвольте вам предложить.

Он, черт возьми, еще и галантен!..

— Предложите, — мрачно согласилась Марина.

Тут он почему-то сказал:

— Предлагаю. — И перед носом у нее оказалась пластмассовая желтая зажигалка с болтающейся внутри бесцветной жидкостью. Из зажигалки с шипением выметнулось пламя — вполне достаточное, чтобы вскипятить немного кофе.

Марина отшатнулась — ей показалось, что она отчетливо слышит запах паленой шерсти, своей собственной.

— Простите, — забормотал «гаваец» и суетливо задул огонь, — эти дурацкие зажигалки, никогда не знаешь, чего от них ждать...

И даже лоб вытер от неловкости. Марина смотрела на него с отвращением. С незажженной сигаретой во рту она чувствовала себя идиоткой.

Галантный «гавайский» мужчина покрутил пластмассовое чудо так и сяк, почиркал колесиком, добился устойчивого пламени подходящего размера и сунул к Маринойной сигарете.

Она прикурила и отвернулась.

Он все не уходил, топтался, в ведре плюхали страдальцы-мальки.

Тут она заподозрила неладное.

...Или он вознамерился, не сходя с этого места, завести с ней романтическое знакомство на все двенадцать отпускных дней?! Если так, она пропала!.. И отдых пропал, и долгожданное одиночество, и вообще все, все пропало!

И, словно подтверждая ее мысли, галантный мужчина предложил искательным тоном:

— Давайте познакомимся? Меня зовут...

— Да не станем мы знакомиться! — вспыхнула Марина. — Зачем нам знакомиться-то?!

Тут он неожиданно засмеялся — искренне и с удовольствием, как ей показалось.

— Так принято, — объяснил он и вдруг пристроился со своим ведром на лавочку рядом с ней. — Вы не знали? Когда незнакомые люди встречаются и разговаривают друг с другом, принято представляться. Меня зовут...

— Послушайте, — перебила его Марина и потянула к себе свою сумку, — я не хочу знакомиться и не хочу никому представляться. Я очень устала, и кроме того...

— Где все-таки мне найти кошку? — задумчиво спросил он сам у себя, не дослушав ее излияний. — Может, на кухне спросить? Прошу прощения...

Тут он поднялся, слегка поклонился в Маринину сторону — вежливый! — посмотрел в свое ведро и пошел направо, туда, где был газон и виднелась сетка теннисного корта.

— Придурок!.. — пробормотала Марина, задетая тем, что он не стал настаивать на «романтическом знакомстве» и предпочел отправиться на поиски кошки.

Или ему на самом деле нужна была кошка, а вовсе не она, Марина? И еще эта идиотская шляпа из итальянской соломки, которую мама зачем-то водрузила ей на голову и все караулила, чтобы дочь не скинула ее потихоньку! Шляпа никуда не помещалась, запихнуть ее в чемодан можно было, только сломав пополам, и Марина всю дорогу маялась, пристраивала шляпу то туда, то сюда, то еще куда-нибудь, забывала, вспоминала, возвращалась, хватала, напяливала на голову, несла под мышкой, размещала на полке, ловила, держала и так далее.

Должно быть, в этой шляпе она выглядит просто сногшибательно — Фаина Раневская, кинофильм «Подкидыш».

«Гаваец» и тот убежал. Впрочем, «гавайца» она сама прогнала, этим можно утешаться и отчасти гордиться.

Она и гордится — разве затем она впервые за пять лет пошла в отпуск, чтобы с бухты-барахты под ракиновым кустом заводить никому не нужные знакомства с придурками в немыслимых рубахах?!

У нее номер люкс, банка кофе, чемодан книг и любимая кружка в отдельном мешочке — что еще нужно старой холостячке, чтобы отлично провести давно заслуженный отпуск?!

Ничего. Больше не нужно ничего.

Только если... может быть... или нет... Приключение, вот что нужно!

Только не в смысле галантного расписного мужчины с пластмассовой зажигалкой и детским ведерком — такие «приключения» ей и даром не нужны. А «настоящее приключение» — чтобы произошло какое-нибудь ужасное событие, и она, Марина, оказалась бы в центре, эпицентре или черт знает где, в общем, поблизости, и чтобы зловещие тени сгущались на горизонте, а дом отдыха завалило бы снегом —

даром что июль! — совсем как в пьесе Джона Б. Пристли «Чисто английское убийство», а телефонная связь оборвалась, а под подушкой старшей горничной обнаружился бы странный пузырек темного стекла — горничная, конечно, уверяет, что это снотворное, но это подозрительно похоже на цианистый калий или мышьяк... да, пусть будет мышьяк — хорошее, глубоко «преступное» слово! — и чтоб полицейский капитан оказался поблизости, загорелый, самоуверенный, дьявольски умный, циничный, наблюдательный, острый, тонкий, мужественный и с пистолетом, засунутым за ремень выцветших и потертых джинсов — почему выцветшие и потертые джинсы считаются самой лучшей одеждой для главных героев?!

Марина захохотала во все горло, так что из куста выпорхнула какая-то птаха, чирикнула и перелетела на ту сторону заросшего прудика.

Хохотать во все горло, сидя в одиночестве на лавочке, было неприлично, и она быстро зыркнула по сторонам — не видит ли кто, как уважаемая Марина Евгеньевна Корсунская себя ведет.

Никто не видел, хотя слева, в зарослях, на голубой скамейке уже восседала какая-то парочка. Размечтавшись о своем «приключении», Марина не заметила, когда парочка забралась в кусты. Впрочем, восседала девица, а молодой человек возлежал головой у нее на коленях и дурашливо щекотал девицын животик. Девица взвизгивала, молодой человек похатывал, все как положено.

Господи, какая смертная, непробиваемая, тупая скука, эти парочки с их пощекочиваниями, поглаживаниями, похрюкиваниями и взвизгами!

Как все это одинаково, пошло, глупо и, главное, кончается всегда одинаково — никчемное сосуществование, желание плюнуть в ненавистную рожу лю-

бимого или любимой, романы в конторе, романы на пляже, романы на даче, романы в доме отдыха, начинающиеся с кошки и пластмассового ведра, и «ты отравила мне всю жизнь!», и «слезь с дивана, придурок!», и никогда с нежной гордостью — «наш сын похож на тебя!».

Домашний ежедневный ад собственного сочинения, и так до самой могилы, за которой уж откроется настоящий, так сказать, общественный ад.

Говорят, что он вечный. Очень может быть.

Марина решительно водрузила на голову идиотскую шляпу — поля немедленно задрались, и пришлось двумя руками отгибать их вниз, — потянула сумку и постояла в нерешительности. До ужина было еще далеко, солнышко пригревало, и не хотелось тащиться в свой люкс, хоть там и кофе, и кружка, и книжка...

Под жидкими мостками, выдававшимися далеко в пруд, взволнованно квакали жирными голосами жабы — у них тоже в разгаре были «пощекочивания и поглаживания», — и Марина решила, что в отпуске она станет «юным натуралистом», будет вести наблюдение за жизнью жаб и лягушек. А почему нет?

На мостках сильно пахло тиной и рыбой, вода была черной, в глубине коричневой, но не мутной — видно, как со дна поднимаются и колышутся водоросли. Некоторые дотягивались до поверхности, и в длинных травяных космах неподвижно сидели блестящие пучеглазые жабы, только шевелились их распластанные задние лапы.

Фу, гадость какая. Пожалуй, не станет она наблюдать за их жизнью.

Водомерки скользили по темной, как будто лакированной, воде, а в глубине, под жабами, ходили шустрые рыбки, настоящие рыбки, а вовсе не какие-то недоразвитые мальки.

И все равно, нечего их ловить!

Под мостками плюхала и переваливалась вода. Бесстрашная птичка порхнула на краешек и настороженно заскакала все ближе и ближе к Марине.

Может, ей наблюдать за птичками, а не за жабами? За птичками все же как-то приятнее.

Невесть откуда взявшийся теплый ветер взметнул подол длинного летнего платья а-ля «рюсс пейзаж», и пока Марина ловила и держала подол, подхватил проклятую шляпу, вывернул поля и...

Мама не переживет, мрачно думала Марина, глядя на свой головной убор, который романтически покачивался на водной глади примерно метрах в двух от мостков. Она притащила эту красотищу аж из самой Италии, а дочь не уберегла.

Однако не лезть же за ней... к жабам, которые настороженно смолкли, очевидно до глубины души пораженные размерами и красотой вновь прибывшего конкурента. Жабам было невдомек, что это итальянская соломка, «хэнд мейд» и все такое, а вовсе не самец-рекордсмен.

Интересно, соломка, хоть бы и итальянская, тонет, когда основательно намокнет? И как быстро она намокнет основательно?

Перепугав птичку, которую она вознамерилась было наблюдать, Марина вихрем промчалась по мосткам, выскочила на песок и полезла в кусты, искать подходящую палку.

Парочка на скамейке примолкла, как давешние жабы.

Палка нашлась. Она была очень длинной и какой-то слишком раскидистой и ветвистой, и тащить до воды ее пришлось волоком. В воде она стала еще тяжелее, и Марина, допятившись до края мостков, едва смогла приподнять ее и попыталась подгрести к себе чертову шляпу. Шляпа не давалась, итальянские

поля колыхались в воде, и дело продвигалось очень медленно.

— Эй, дамочка! — крикнули с берега. — Вы ее подцепляйте, подцепляйте, а то она у вас сейчас потонет!

Марина дернула плечом.

— Подошел бы и помог, — под нос себе пробормотала она. — Подцепляйте!..

Наконец шляпа приблизилась настолько, что до нее можно было дотянуться, и Марина выволокла на мостки все свои ветки и сучья — не бросать же в пруду полдерева! — оперлась рукой, нагнулась, вытянулась и добыла шляпу!

С романтических полей текла пахнувшая тинной вода. Шелковая подкладка отливала зеленью. К атласной ленте уже прилепился крошечный круглый слизняк. Марина скovyрнула его ногтем и потрясла сооружение, стряхивая воду.

Почему она не была твердой и непреклонной и позволила матери навязать ей эту шляпу?! Вот никогда ей не удастся быть твердой и непреклонной, как она ни старается, а потом из-за своей мягкотелости она попадает во всякого рода переделки!

Тут ей показалось, что вместе со шляпой с середины пруда подтянулось к мосткам что-то еще — там колыхалось нечто большое и... малопонятное.

Марина посмотрела. Действительно, что-то есть.

Она даже с сожалением оглянулась на свою палку, но орудовать ею снова не решилась, уверенная, что на этот раз палка непременно утащит ее в темную воду.

Держа шляпу на отлете, в вытянутой руке, Марина опять присела на корточки, зажав коленями юбку а-ля «рюсс пейзан», вытянула шею и посмотрела в заросшую коричневой травой глубину.

Что-то такое там было, довольно большое.

Солнце мешало ей смотреть, и она приставила ладонь козырьком ко лбу. Блики остались по ту сторону козырька, а по эту оказалось как будто круглое темное окошко.

Из этого окошка, из-под темной воды прямо ей в лицо смотрел человек. Она видела только лицо — белое и волосы — темные.

Она даже не поняла, что он мертвый, только удивилась, зачем он забрался в лягушачий пруд, да еще лежит в глубине с открытыми глазами!

Волосы неторопливо колыхались вокруг головы вместе с травой, которая тоже колыхалась, наплывали на лицо, и тут Марина поняла, что это труп.

Там, в глубине, почти под мостками, лежит мертвое человеческое тело.

Она подалась назад, стиснула в кулаке шляпу. В груди и еще, кажется, в животе стало холодно, как будто она наглоталась снегу.

— Тише, — зачем-то сказала она себе и швырнула шляпу на мостки. Оперлась обеими руками о доски и снова заглянула в пруд.

Он был там, внизу.

Снег залепил горло.

Марина оглянулась и позвала громко, очень громко:

— Молодой человек!

В кустах завозились, потом притихли.

— Вы... меня?

— Здесь труп, — так же громко и отчетливо выговорила Марина. — Вам, наверное, лучше сходить за помощью.

Опять возня, а потом отчетливое хихиканье.

— Тру-уп? — игриво переспросили из кустов. — Лягушки или карася?

Снег в горле быстро превращался в лед. Она не разрешала себе смотреть, боялась, что упадет в обморок, или забьется в истерике, или сделает еще что-

нибудь неприлично-дамское, но почему-то очень тянуло посмотреть. Перебирая руками, она заставила себя отодвинуться от края мостков, отвернуться, потому что ее пугало это желание, и тут со стороны кустов подошел весельчак, решившись все-таки глянуть на полоумную тетку — Марину — и на то, что ей там такое померещилось.

Следом за ним гарцевала девица, то и дело откидывая назад длинные пряди, как пить дать вымытые шампунем «Лореаль» — ведь я этого достойна».

То есть она достойна, девица.

— Вам бы лучше в теньке посидеть, — начал весельчак издалека. Мостки заходили под его весом. — А то солнечный удар может хватить! Вот бабка моя всегда в огород платок повязывает и кофту с длинным рукавом надевает, потому что, когда в возрасте, человек не может...

Он наступил на ее шляпу, деловито нагнулся, поддергивая сзади джинсы, которые сползали, открывая полоску незагорелой кожи, а чуть пониже цветастую резинку наивно-семейных трусов.

— Ну чего там, Вадик? — страстным от любопытства голосом спросила девица и тоже ступила на мостки. — Чего там, а?

— Не ходите сюда, — приказала ей Марина сквозь лед в горле, — там подождите!

— Чего это я буду ждать? — оскорбилась девица. — Я что, права не имею?

Тут ее приятель вдруг оглушительно ахнул, взвизгнул почти, замахал рукой, сделал кенгуриный прыжок назад, чуть не упал и побежал — мостки затряслись.

— Вадик!

— Стойте! — крикнула Марина.

— Я... сейчас... я до корпуса... я... приведу кого-нибудь...

— Вадик, ты чего?!

Но Вадик уже пропал из виду.

— Завтра же уеду в Москву! Завтра же! Надо было вчера уехать, но вчера...

— Да что уезжать-то! Глупость какая! Сколько их пьет, а потом в пруды падает!

— Нет, вы не скажите, Валентина Васильна! Инцидент довольно неприятный. Неприятный, неприятный инцидент-с!

— Какой еще упадет! Выдумывают всяко! Упадет! А он, бедный, перебрал малость, может, на бережку, а потом пошел, может, умыться, да и нырнул, стало быть!.. Упокой, господи...

— Да что вы причитаете!

— Положено так, за покойником сказать — упокой, мол, господи...

— Ах, да перестаньте вы, ну сколько можно, Оленька и так ничего не ест, а тут еще!.. Оленька, ну хоть салатик!

— Не хочу я, мама!

— Ну вот видите! И так каждый день! Геннадий Иванович, вы бы на нее повлияли!

— Оля, мама права, надо поесть.

— Боже мой, еда — это такая скука!

— А вас не вызывали, Генрих Янович?

— Куда, простите?..

— Ну, когда милиция-то приезжала?

— Нет-с, не вызывали. По-моему, только Марину Евгеньевну вызывали, да еще Вадима Петровича. Верно, Марина Евгеньевна?

И тут все взгляды обратились на Марину, которая пыталась съесть рыбный салат и все никак не могла. Салат в горло не лез.

— Верно, Марина Евгеньевна?

— А?

Оторвавшись от салата, Марина обнаружила, что все молчат и ждут, как будто она уже стоит на сцене и готовится запеть, а зрители готовы внимать.

Бабуся Логвинова вся была как вопросительный знак, слегка подрагивающий от любопытства. Валентина Васильна со смешной фамилией Зуб, чавкая, жевала картошку и издавала кивала Марине, поощряя ее к рассказу. Генрих Янович смотрел участливо, его внучка Вероника, наоборот, безучастно и одновременно с некой тоской во взоре, как бы внутренне сокрушаясь, как это ее занесло в компанию таких питкантропов. Юля и Сережа, свежие, подтянутые, в одинаковых майках, жизнерадостно жевали салат — они приехали отдыхать и отдыхали на полную катушку. Элеонора Яковлевна незаметно подпихивала к дочкиному локтю тарелку с запеканкой. Дочь запеканки не замечала. Возле нее на столе горела свеча — в белый день и жару! Возле нее всегда горела свеча, отгоняла «злых духов». Давешний «гаваец», скинувший свою пестроцветную рубаху и облачившийся в не менее чудовищный спортивный костюм, смотрел на Марину из-за стакана с железнодорожным подстаканником и тоже как будто чего-то ждал.

Марина струсила.

— Я ничего не знаю, — пробормотала она, — а что такое?

— Про покойника-то? — усомнилась бабуся Логвинова. — Разве не знаешь? Ты ж его нашла!

— Да перестаньте вы! Оленька и так ничего не ест!

— Салат очень вкусный, — почти в один голос воскликнули Юля и Сережа, и отодвинули от себя пустые тарелки, и придвинули полные — синхронно.

— Оленька, посмотри, как надо кушать! Посмотри, посмотри, как все тут хорошо кушают!

Сорокалетняя Оленька капризно тряхнула сорокалетними кудрями.

— Ах, мама, отстань! Еда — это так скучно!

— Мы живем не для того, чтобы есть, — произнес

Геннадий Иванович с затаенной улыбкой, — но все же есть для того, чтобы жить, надо!

— Мне, чтобы жить, надо не много, — прошептала Оленька, — совсем не много.

— Вегетарианство — лучший способ сохранить здоровье, — провозгласил Сережа, уписывая морковное пюре.

— Самый безопасный! — поддержала Юля, налегая на картофельное.

— Да про труп-то что тебе сказали? Милиция-то? — облизав губы, громко спросила Валентина Васильна у Марины. Нежная Оленька вздрогнула и умоляюще посмотрела на мать, Элеонору Яковлевну.

— Он за Юлькой ухаживать пытался, — сказал Сережа сквозь пюре то ли с гордостью, то ли с отвращением, — этот труп ваш. Никакого покоя не давал. Я его бить собирался, — добавил он горделиво.

Оленька прикрыла глаза — от ужаса, разумеется.

— Делал неприличные намеки, — сообщила Юля, тоже с гордостью. — Приглашал в люкс, который на ремонте. Между прочим, люкс на ремонте, а никакого ремонта там нет! Все какие-то комбинации проворачивают! Интересно, администрация в курсе?

— Давайте лучше про погоду, — быстро предложил бывший «гаваец», переквалифицировавшийся в спортсмена. — Как вы думаете, жара еще постоит?

— Жара — это ужасно, — прошептала Оленька, вздрогнув плечами, укутанными в шаль. Шепот и вздрагивания явно имели отношение к Геннадию Ивановичу. — Верно, мама?

— Я буквально задыхаюсь, — поддержала ее мать.

— А я люблю жару и никогда не задыхаюсь, — объявила профессорская внучка Вероника и усмехнулась злорадно. — Дед, пойдем завтра после завтрака в теннис играть.

— Ты же не хотела, — удивился дед, — передумала?

— Передумала.

— Поучите меня, Вероника, — попросил Геннадий Иванович интимно, — мне так хочется научиться играть в теннис!

— Шикарный спорт, — моментально согласилась Вероника, и дед Генрих Янович взглянул на нее подозрительно, — а у вас ракетка есть?

— Ну-у, — протянул Геннадий Иванович, — возьму в прокате.

Вероника надкусила яблоко и с хрустом начала жевать.

— А что там дают? «Принс», «Хэд», «Данлоп», «Юнекс», «Фелкль»?

Геннадий Иванович моргнул. Оленька с матерью переглянулись.

— У меня «Хэд», — подал голос миролюбивый «гаваец», — могу предложить. Хотите?

— Геннадию Ивановичу предложите, — перевела стрелки зловредная Вероника, — у меня свой «Хэд».

— Геннадий Иванович, я могу вам предложить...

— Да мне, собственно, все равно, если Вероника согласна меня учить.

— Да на что он вам, этот теннис! — досадливо воскликнула Оленькина мама и захлебнула досаду теплым компотом, оставшимся от полдника. — Все прям, как дураки, кинулись в этот теннис играть!..

— Бег — вот лучшее средство, — провозгласила Юля.

— Легкая атлетика — королева спорта! — поддержал ее Сережа, и они синхронно размешали в железнодорожных стаканах принесенный с собой заменитель сахара.

Марина еще чуть-чуть раскопала салат и поднялась.

— Приятного аппетита, — кисло сказала она, — до завтра.

Бабуся Логвинова деловито заглянула в ее тарелку:

— И эта ничего не поела! Уморить себя решили!

Оленька повыше подтянула шаль.

— Я не хочу. Еда — это так... глупо.

И скучно и глупо, подумала Марина желчно.

Ну почему считается, что женщина, которая ничего не ест, гораздо интереснее женщины, которая ест все? Кто это придумал?

Ей хотелось есть — она не ужинала вовсе не потому, что «скучно и глупо», а из-за аллергии на рыбу. Сейчас поешь, а утром с ног до головы покроешься красными пятнами!

Хорошо, что в номере у нее банка с кофе, любимая кружка, длинная-предлинная палка сухой колбасы и три пакета хрустящих хлебцев. Да, и еще роман!

— В десять часов танцы, — напомнил Геннадий Иванович, и Вероника опять усмехнулась, — приходите, Марина! Это своеобразный клуб. Можно пообщаться, поговорить, покурить... Жизнь здесь слишком размеренная, от нее быстро устаешь.

— Спасибо, Геннадий Иванович, — поблагодарила Марина. Вот только танцев ей не хватало!

Марина выбралась из-за стола, чувствуя, что все, не только соседи, но и прочие отдыхающие, рассматривают ее с истовым любопытством, перестают есть, вытягивают шеи, шепчут друг другу в уши, кивают в ее сторону и показывают глазами.

Еще бы, ведь это она нашла... труп!

Труп нашла, а «приключения» из этого не вышло. Не вышло никакого «приключения», и не выйдет! Жалость какая.

Усатый милиционер, приехавший на «газике», ее почти ни о чем не спрашивал. Она сама рассказала,

как подлая шляпа слетела с головы, как она стала ее вылавливать, нагнулась и... и увидела.

— Перепугались? — спросил милиционер равнодушно.

Марина пожала плечами:

— Не особенно. Неприятно, конечно...

«Приключения» не вышло, и главный герой, циничный, остроумный и загорелый полицейский капитан с пушкой за ремнем, в выцветших и потертых джинсах, тоже никак не вырисовывался. Не тянул усатый милиционер на главного героя!

Труп оказался не криминальный — все правильно понимала бабуся Логвинова.

Выпил лишнего, сел на мостках, задремал, да и свалился — так как-то получалось.

Длинными санаторными коридорами, застланными ковровыми дорожками — красная середина, зеленая кайма, — Марина добралась до высоких двойных ореховых дверей, вышла на вечернее солнце, пристроилась на лавочку с гнутой садовой спинкой и закурила.

Очень хотелось есть, и она с удовольствием думала о сухой колбасе и банке с кофе. Нужно завтра сходить в ближайший магазинчик, купить йогуртов, сыру и серого деревенского хлеба, наверняка здесь есть.

Ореховая дверь открылась и закрылась. Кто-то вышел и пристроился на ту же лавочку, но с другой стороны.

Откуда-то взялась толстая пыльная кошка, посмотрела на Марину вопросительно, зачем-то лизнула лапу и стала тереться о Маринины светлые брюки, оставляя на них клоки шерсти.

— Ты что? — спросила у нее Марина и стала отряхивать шерсть. — Разве не видишь, у меня ничего нет! Бедная, бедная, голодная киса!

— Не верьте ей, — посоветовали с другого конца лавочки, — она не бедная и не голодная.

Марина посмотрела вбок и обнаружила неподалеку спортивные штаны непередаваемо-павлиньей расцветки.

— Бедная и голодная. — Она погладила пыльную кошачью башку и снова неодобрительно покосилась на штаны.

— Я только что скормил ей остатки рыбы. Я сегодня, знаете ли, опять ловил.

— Ловить мальков в луже — гнусно.

— Я же не глушу их динамитом.

После чего они уставились друг на друга. Кошка вопросительно мяукнула, не понимая, почему Марина перестала ее гладить.

— Здравствуйте, — неожиданно поздоровался тип в цветастых штанах.

— Добрый вечер, — с ходу откликнулась привыкшая быть вежливой Марина.

— Вы только меня не перебивайте, — быстро сказал он, — меня зовут Федор Федорович Тучков. Можно просто Федор. Я из Москвы. А вы Марина, да?

— А почему я не должна вас перебивать?

— Потому что я никак не могу сказать вам, как меня зовут, вы все время перебиваете.

— А зачем мне знать, как вас зовут?

Он вздохнул, полез в карман и достал сигареты.

— Так принято, — подумав, объяснил он, — мы с вами отдыхаем в одном санатории и даже сидим за одним столом, так что нам придется как-то называть друг друга.

— Вряд ли нам придется как-то друг друга называть, — отчеканила Марина, — зачем?

Очень уж он ей не нравился, с его брюшком, гаванской рубахой, цветастыми штанами и сладкой улыбкой на круглой физиономии. Ей-богу, Геннадий

Иванович, будущая звезда теннисного спорта, и то лучше!

— Я вас... раздражаю? — смиренно спросил Федор Федорович Тучков.

— Раздражаете, — призналась Марина.

— Почему?

Не могла же она сказать про рубаху и брюшко!

— Не знаю. Я не люблю никаких курортных знакомств.

— Ну, на курорте никаких знакомств, кроме курортных, быть не может.

— Я никаких не хочу.

— Тогда вам надо было ехать на заимку.

— Куда?!

— В тайгу, — сказал он равнодушно, — на заимку. Лес, а в лесу избушка — это заимка и есть. Или вы сибирских писателей не читали — Астафьева, Липатова?

Марина смотрела на него во все глаза. Он курил, кошка терлась о его штанину, поглядывала вопросительно.

— Завтра, — пообещал Федор Федорович кошке, — завтра опять наловим. Ты полведра рыбы съела, хватит, совесть надо иметь!

Ореховая высоченная дверь отлетела, бахнулась в штукатурку, и на площадку выскочила мятежная профессорская внучка Вероника — шорты, маечка, кепочка козырьком назад, темные очки, и на плече стильный до невозможности чехол с ракетками. Выскочила, уронила ключи, засмеялась, завертелась, нагнулась и толкнула попкой Марину.

Та неодобрительно подвинулась на лавочке.

— Федор, не желаете ли партию? — дурашливо спросила Вероника. — Дед сказал, что не пойдет. И курить, между прочим, вредно. Минздрав давно предупреждает!

— Какая еще партия! — перепугался Федор Федорович. — Что вы, Вероника! После сытного ужина я только и могу, что греть на солнце свои старые кости!

Вероника закинула за спину чехол и поставила на лавочку безупречную ногу в безупречной кроссовке. Загорелое, упругое, аппетитное и черт знает какое бедро оказалось прямо под носом у Федора Тучкова.

— За ужином вы ничего не ели, не врите. Пили чай и больше ничего.

— Точно, — признался Федор, косясь на бедро, — экая вы наблюдательная молодая особа!

— Что за жаргон! Вы что, учитель русской словесности?

— Вот и нет! — глупо захихикав, сказал испытуемый бедром Федор Тучков. — Вот и не угадали!

Из-за этого глупейшего хихиканья, а также из-за того, что он моментально пошел туда, куда манила его Вероника, подобно всем известному бычку на веревочке, Марина прониклась к нему еще большим презрением и отвращением, если только это было возможно.

— А кто?

— Чиновник, — покаялся Федор, — чиновник в министерстве.

— Корруппированный?

— Э-э... боюсь, что нет.

— Тогда что с вас взять, — заключила Вероника, сняла ногу с лавочки и пристроилась рядом с Мариной, обдав ее запахом вкусных духов.

— Давайте, — приказала она, — рассказывайте.

Марина молча смотрела на нее, но профессорскую внучку было не так-то просто сбить с толку.

— Что вы смотрите? — спросила она и окинула себя взглядом. — У меня что, ширинка расстегнута? Или лифчик выпал? Федор, посмотрите, сзади у меня все в порядке? Лифчик не волочится?

Федор хрюкнул и с некоторой заминкой сообщил, что сзади у нее все в порядке.

— Ну тогда рассказывайте!

— Что?

— Как что?! Про труп рассказывайте!

— О господи, — выговорила Марина, стряхнула пепел с сигареты и поднялась. — Я должна идти. Спокойной ночи.

Но она даже предположить не могла, *насколько* трудно сбить с толку профессорскую внучку!

— Никакой спокойной ночи! Сначала вы нам расскажете про труп, а потом будет спокойная ночь! Мы вас не отпустим! Правда, Федор? Не отпустим же?

И тут она цепкой лапкой ухватила Марину за брюки. Кошка мяукнула вопросительно.

Марина усмехнулась и шагнула прочь, но нахальная девчонка не отпускала брюки.

— Отпустите.

— Ни за что.

— Вы что? — спросила Марина. — Сумасшедшая?

— Я не сумасшедшая, — весело сказала нахалка, — я любопытная.

Нужно было или вырывать брюки, которые и так неприлично сползли там, где за них уцепилась когтистая лапка, или покориться.

Покоряться на глазах у Федора Федоровича Тучкова, которому она только-только объяснила, что знать его не желает и разговаривать с ним не станет, ей не хотелось.

Вырваться на глазах у него же ей хотелось еще меньше.

— Отпустите, — повторила Марина и независимо поддернула сползающие штаны.

— Отпущу, если расскажете.

— Нечего рассказывать.

— Тогда не отпущу.

И Вероника засмеялась, открыв безупречные зубы.

Федор Федорович отчетливо и коротко хмыкнул и вытащил еще одну сигарету.

Из ореховых дверей выползла незнакомая бабулька с пакетиком, неодобрительно помахала рукой, разгоняя дым, и позвала нежно:

— Кыс-кыс-кыс!

Кошка мяукнула, вскочила на лавку, прошлась по коленям Федора Тучкова и брякнулась под ноги бабульке.

Та стала активно вываливать из пакета неаппетитное месиво из рыбы и мяса. Кошка совалась, нюхала и брезгливо дергала усами. Месиво ей явно не нравилось.

Марина неожиданно обнаружила, что они — все трое — тоже брезгливо морщатся, как эта кошка.

— Пошли отсюда, — перехватив ее взгляд, сказала Вероника и непринужденно дернула за руку Федора Федоровича, — пошли, пошли!

— Кысенька, — приговаривала бабулька, — кушай, кысенька! Что же ты не кушаешь?

— Ее сейчас вырвет, — предсказала Вероника, — пошли быстрее, я на это смотреть не хочу!.. Пошли скорее!

— Куда?

— Господи, ну туда, где вы будете рассказывать про труп!

Вероника поднялась — Федор Тучков проводил скорбным взглядом аппетитную попку — и резво побежала в сторону от ореховых дверей, бабульки и кошки.

— Вы идете?!

— Надо идти, — озабоченно проговорил бывший «гаваец», — надо идти.

Марина тотчас же поднялась и пошла — ясное дело! — в сторону, противоположную той, куда поскакала резвая барышня.

— А вы куда?! — прокричала успевшая отбежать довольно далеко Вероника. За ней поспешал Федор Федорович. — А впрочем, какая разница! Давайте туда!

В одно мгновение она оказалась рядом с Мариной, схватила ее повыше локтя, потащила, поднажала, повернула и вырулила к лавочке, притулившейся за голубой елкой.

— Ну вот, — сказала Вероника и кинула на газон свой шикарный чехол, — очень замечательное место. Уединенное, и покурить можно.

Она проворно достала пачку и заявила Марине:

— Меня с куревом дед гоняет. А вас кто гоняет?

— Меня никто не гоняет. Я уже взрослая девочка.

— Господи, дед меня будет гонять за курево, даже когда мне стукнет шестьдесят! Он все равно будет жить вечно, так что отвязаться от него нет никакой надежды. А вам разве уже шестьдесят? И у вас нет деда?

— Вероника, — сказал, неторопливо выходя из-за елочки, Федор Тучков, — ну что вы такое говорите! Вы ведь уже не маленькая, а несете... черт знает что.

— И не черт, и не знает, и не что, — выстрелила Вероника и отправила в рот тоненькую сигаретку, — и я хочу узнать про труп. Рассказывайте!

И тут Марина засмеялась — такая настырная оказалась девица!

— Значит, так, — начала она, — я сидела на мостках, ветер унес мою шляпу. У меня есть чудная шляпа из итальянской соломки. Я стала ее выуживать и под водой увидела... увидела...

Внезапно ей стало тошно, как будто она снова увидела в коричневой воде колыхание травы и мед-

ленное движение волос вокруг белого расплывающегося пятна. Самое худшее, что это было не просто пятно, а мертвое человеческое лицо — с открытыми глазами, с черным провалом рта, из которого полилась вода, когда мужики стали поднимать тело. Рубашка облепила здоровенные руки, и джинсы неприлично съехали, открыв серую, с зеленью кожу, и уже было совсем неважно, прилично или нет, потому что это был *не человек, а что-то другое*.

Неужели я тоже стану такой, когда умру? Я не могу стать такой, потому что это буду не я. А где тогда буду я?

— Ну и что, и что? — жадно спрашивала Вероника. — Господи, почему меня там не было!

Марина глубоко вдохнула. Воздух был вечерний, вкусный, летний.

— Там были... молодой человек с девушкой. Наши, из-за стола, Вадим и Галя, кажется. Он сбегал, привел людей. Те люди привели еще людей. Потом милиция приехала. Вот и все.

Вероника оскорбилась:

— Как все?! Разве это история?!

— Я не знаю, история это или нет, только больше рассказывать нечего.

— А детали? Предсмертная записка? Бриллианты? При нем не было бриллиантов?

— Я не видела.

— А почему бриллианты, Вероника? — сладко спросил Федор Федорович Тучков. — Что это у вас за... фантазии такие?

— Никакие не фантазии! Это всем известно. Курьер привозит бриллианты с алмазных копей. Встречается с покупателями. Они не могут договориться о цене, и курьера убивают. А он как раз за секунду до смерти глотает бриллианты. Весь килограмм. И тогда убийцы остаются с носом, потому что они не догады-

ваются, что можно проглотить килограмм бриллиантов!

— Гениально, — пробормотал Федор Федорович. Вероника посмотрела на него с подозрением:

— А вы что? Телевизор не смотрите?

— А вы что? Смотрите?

Марина усмехнулась.

— Так что? — спросила Вероника. — Дальше ничего не было? Ни записок, ни бриллиантов?! Никаких шокирующих деталей?

— Никаких, — призналась Марина.

Была одна деталь, но она не хотела рассказывать о ней Веронике, и не потому что деталь была «шокирующей», а потому что Марина была не до конца уверена, деталь ли это.

— Так, значит, бабульки правильно сказали? Упал по пьяни да и захлебнулся?

— Какие бабульки?

— Господи, какие! Наши соседки! Ирина Михайловна и вторая... Валентина Васильевна, что ли! — Потому, как Вероника произнесла имя-отчество, было совершенно ясно, что обеих она терпеть не может и от души презирает, ибо в санаторной праздности больше некуда девать избыток энергии — только презирать кого-нибудь.

Марина пожала плечами:

— Я не знаю, что там болтали бабульки, но милиция мне сказала, что дело было именно так.

Если бы не та самая деталь, о которой Марина даже точно не знала, деталь ли это.

— А... давно? — вдруг подал голос Федор Федорович и откашлялся. — Давно?

— Что — давно?

— Давно... это случилось?

— Что случилось? — уточнила вежливая Марина, заметив, что Федор Федорович как-то странно мор-